

УДК 94(47)

DOI: 10.15393/j14.art.2017.92

Статья

Традиционное общество северной карельской деревни накануне социального катаклизма: историографический аспект

Воронина Полина Сергеевна

Петрозаводский государственный университет

Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии (ИЛЛМИК)

Волонтер-исследователь

магистр по направлению подготовки 46.04.10 (История)

Аннотация: В статье проводится анализ исследований, посвященных традиционному обществу Карелии со второй половины XIX века по 1920-е гг. Статью можно считать продолжением изучения судеб карельских беженцев — репатриантов, которые после подавления восстания бежали из Карелии в Финляндию, но затем вернулись обратно. С этой точки зрения, особый интерес для автора представляют исследования по истории крестьянства, его повседневной жизни, ментальности, истории образования. Подводя итоги, исследователь приходит к выводу, что на сегодняшний день не существует комплексного научного исследования, посвященного традиционному обществу Карелии в конце XIX — начале XX века.

Ключевые слова: карельские беженцы; традиционное общество; крестьянство; Северная Карелия; Финляндия; начало XX века.

В 1921—1922 гг. на территории КТК¹ начались вооруженные действия, в результате которых Карелию покинули тысячи жителей. Вскоре Советское правительство объявило амнистию и даровало право ушедшим вернуться обратно. Жителей Карелии, которые приняли решение вернуться, советская бюрократия окрестила карельскими беженцами или карбеженцами.

Ранее указанные события рассматривались с политической, экономической и военной точек зрения. Изучение человеческих судеб стало возможным благодаря введению в научный оборот уникального комплекса источников — личных дел карбеженцев, которые отложились в фондах Национального архива Карелии. Представленные личные дела содержат в себе три разных по наполнению и содержанию временных пласта о жизни карбеженцев до революции и восстания, во время социальных катаклизмов и в связи с уходом в Финляндию². С этой точки зрения, для детального анализа представленной в анкетах и протоколах информации необходимо изучение жизни общества Карелии со второй половины XIX века по 1920-е гг. XX века.

¹ Карельская Трудовая Коммуна

² Подробнее см: [30].

Здесь необходимо уточнить, что в определении и подходах к изучению традиционного общества мы будем, прежде всего, опираться на концепцию, которая была применена в коллективном проекте «Традиционное общество как фактор стабильности в полиэтническом приграничном регионе: Карелия в XVII — начале XX века»¹. В рамках проекта на основе нескольких исторических сюжетов исследовалось взаимодействие сельского общества приграничного региона Российской империи и имперской государственной власти. Под традиционным обществом Карелии участники проекта понимали в первую очередь крестьянство однородных и смешанных этнических категорий [9].

Важной является и аксиома о том, что Карелия вписывается в понятие «транзитного приграничного региона», что подразумевает наличие духовного родства и сходных черт с этносом, проживающим по другую сторону границы, что затрудняет выделение «чистой» карельской идентичности [9:13].

Для нас особый интерес представляют исследования по истории крестьянства, его повседневной жизни, ментальности, истории образования. Каждое из указанных направлений прошло впечатляющий путь развития, в результате чего был накоплен богатый материал, выработаны методы исследования, собраны и проанализированы эмпирические материалы [10; 18; 19; 22;].

Однако, несмотря на внушительный накопленный опыт по истории традиционной крестьянской семьи и её повседневности, тема эта не теряет актуальности среди исследователей. Ученые разрабатывают новые подходы, в том числе и на основе западноевропейских теорий, вводят в научный оборот не задействованные источники, что позволяет формулировать новые теории или пересматривать устоявшиеся постулаты. Сегодня в фокусе внимания исследователей находятся вопросы, связанные с государственной системой здравоохранения и народной медициной в карельской деревне [33; 34], повседневностью карельской семьи [14; 15; 16]. Ученых волнуют не исследованные ранее вопросы о девиантном поведении в традиционном крестьянском обществе [23; 27].

Мы не будем давать оценку всему комплексу работ по истории крестьянской семьи, а ограничимся лишь теми, которые, на наш взгляд, определяют современное состояние изученности темы.

Одним из популярных подходов для анализа демографических процессов в Карелии стали методы количественного анализа массовых источников и микроистории [21], что связано с развитием компьютерных технологий.

Осенью 2003 г. в университете Йёэнсуу при финансовой поддержке академии Финляндии, Финляндской государственной школы изучения истории, Исследовательского фонда и кафедры истории университета Йёэнсуу, а также Фонда поощрения культуры Карелии проходил международный семинар «Население Карелии и карельская семья». Тезисы докладов были опубликованы в одноименном сборнике. Для нас особый интерес представляют несколько докладов.

¹ Проект осуществлялся в рамках деятельности структурного подразделения ГБТ 653-14 в составе Управления научных исследований ПетрГУ для выполнения выигранного в проектной части открытого конкурса Министерства образования и науки России государственного задания № 33.1162.2014/К в сфере научной деятельности на 2014—2016 гг. под руководством Черняковой Ирины Александровны, кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника; доцента кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, руководителя Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии (ИЛЛМИК) Института истории, политических и социальных наук (ИИПСН) ПетрГУ; доцента российской истории Института географических и исторических исследований Университета Восточной Финляндии (кампус Йёэнсуу).

Выступление финского ученого Тапио Хямюнена было посвящено изучению брачных связей между жителями Восточной Финляндии и Олонецкой Карелии за период 1734—1918 гг., при этом центром исследования являлись браки жителей Суоярвского прихода. Автор отметил уникальность Приграничной Карелии, где население было в большинстве своем православным и говорило на карельском языке. Скрупулёзное изучение особенностей брачной миграции позволило сделать вывод об интенсивном характере брачных контактов восточных финнов и олонецких карелов. Исследование показало, что фактической границы между Олонецкой и Приграничной Карелией не существовало. Более того, было доказано, что заключенные браки способствовали поддержке и укреплению древних свадебных обрядов, которые были схожи у приграничных карелов и русских жителей северных областей. Ученый пришел к выводу, что устоявшиеся демографические и экономические связи между регионами прервались лишь в 1918 г., что было связано с закрытием границы [29].

Юрий Шикалов, доцент Университета Восточной Финляндии (кампус г. Йоэнсуу), подверг анализу формы заключения брачных союзов в Беломорской Карелии во второй половине XIX — начале XX века. По общему мнению, как отмечает исследователь, Карельская часть Архангельской губернии в указанный период, согласно официальным документам Архангельской епархии, представляла собой в буквальном смысле центр безнравственности. Священнослужители сообщали о нарушениях церковных заповедей, распространенном среди крестьян сожительстве до вступления в официальный брак и находили высоким процент незаконнорожденных детей. Однако давно обратившие внимание на данные особенности фольклористы и этнографы придерживаются иной точки зрения и склонны видеть причины распространения нецерковных браков среди карелов прежде всего в традициях и обычаях народа, в том числе в старообрядческих. Карелы не видели ничего предосудительного в таких парах, проживавших совместно по «обычному праву», считая как сами пары, так и их детей вполне законными. В метрических книгах конца XIX — начала XX века зафиксировано: почти каждый десятый родившийся ребенок — незаконный. Сам автор, приводя в пример наблюдение известного финляндского исследователя Беломорской Карелии Инто Инха о целомудренном воспитании карельских девушек, заключает: анализировать характер брачных союзов беломорских карелов лишь по записям в церковных книгах — неверно. Нужно учитывать и народные свадебные обычаи, которые делали сожительство брачных пар вполне законным в глазах сельского общества. Отклонение от общепринятых норм считалось более серьезным грехом в глазах односельчан, чем игнорирование церковных постулатов [31]. Понятно, что детей, рожденных в браке, созданном по «обычному праву», церковь не признавала. «Не удивительно, — отмечает Ю. Шикалов в статье «Старообрядчество и браки в Архангельской Карелии XIX века», — что фамилия Богданов, даваемая обычно незаконнорожденным детям по достижении их совершеннолетия, являлась одной из самых распространенных фамилий в Архангельской Карелии. Раскол послужил причиной того, что род «Богом данных» разросся очень широко по всей территории Кемского уезда» [35: 94].

Особенностям развития системы школьного образования в Карелии в контексте теории модернизации традиционного общества, согласно которой особые черты модернизационного перехода в России образовались под воздействием сильного влияния социокультурного фактора, встроившегося в данный процесс, посвящены исследования Ольги Павловны Илюха, доктора исторических наук, в настоящее время директора Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (далее — ИЯЛИ КарНЦ РАН).

*Дай носик. Инто Инха, 1894 г.
Источник: Финский музей фотографии
<https://www.valokuvataiteenmuseo.fi/en/collections>*

Многолетняя работа над изучением детской и школьной повседневности с опорой на работы предшественников была обобщена и представлена в монографии «Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX века» [12]. В центре внимания находятся два социальных института, что прослеживается и в структуре монографии, — семья, определенная как суверен традиционного уклада жизни, и школа, представленная в виде своеобразного проводника инноваций и центра модернизации карельской деревни. При этом исследователь не помещает школу в вакуум, а анализирует среду, в которой развивалась система образования: сделан упор на специфическом положении Карели как территории, оказавшейся под влиянием русской и финской культур, выделено влияние финского фактора на развитие системы образования в крае [12: 8].

Первая часть книги посвящена характеристике карельской семьи, её демографическим и социально-культурным особенностям, положению детей в карельских семьях и их воспитанию.

Для нас важно, что автором подчеркнута стабильность традиционного карельского общества и карельской семьи как его части, что объяснялось рядом факторов: компактным расселением в пределах «родной» этнической группы, патриархальностью народного быта и приверженностью традициям, которые передавались из поколения в поколение через народную культуру: песни, причитания, сказки, эпические песни. При этом в качестве базиса устойчивости традиционной карельской культуры выделено православие, а распространён-

ное в крае старообрядчество определено как фактор, препятствующий модернизации карельской деревни. Традиционная карельская культура, как следует из приведенных автором аргументов, оказалась таким образом в уникальной ситуации и находилась как бы под двойной охраной: с одной стороны, она стояла на твердой и непоколебимой основе — православии, с другой — от воздействия модернизационных процессов её защищало старообрядчество. Хотя тезис о православии как основе традиционности карельской культуры представляется спорным. С трудом можно представить, чтобы религия с богослужением на русском языке способствовала сохранению патриархальных традиций семьи, где в быту общались на карельском языке. О несколько легкомысленном отношении к религии, в общем, и к православию, в частности, среди карелов указал член Архангельского общества изучения Русского Севера (далее — АОИРС)¹, побывавший в Карелии с экспедицией в 1913 г., имя которого история сохранила как «Н. Руотси». В своих путевых заметках, рассуждая о грамотности карельского народа и нераспространённости русского языка, он заключил: «Мыслимо ли в таком случае, чтобы, например, карел, стоя в церкви, понимал хотя бы самую суть богослужения, отправляемого на славянском языке. Или удивительно ли после этого, что автору этих строк в некоторых домах русских карел, наряду с иконами, случалось видеть портрет какой-нибудь знаменитой артистки и в одном месте даже несколько игральные карты» [24].

О. П. Илюха выделяет типичные черты в воспитании карельского ребенка, которые во многом шли вразрез с подходами, принятыми в русской семейной педагогике [12: 77]. Так, родители не только не стремились воспитывать ребенка с позиции силы и применять к нему различного вида наказания, но и зачастую общались с ним как с равным, что не всегда находило положительный отклик среди русских учителей, работавших в школах Карелии. Фундамент примененного демократического — позволим себе так его характеризовать — подхода, был основан на непреложном и не подвергавшемся сомнениям авторитете старших, уважении и почитании традиций, экономической зависимости от родителей, приучении к труду с раннего возраста. При этом контрольные и надзорные функции над сферой семейно-брачных отношений и процессом воспитания были переданы локальному крестьянскому обществу [12: 102].

Вторая сюжетная линия монографии связана с характеристикой школьного образования в крае, его статусом и ролью. Школа, как отмечает исследователь, являлась своеобразным государственным агентом, выполняла государственный заказ, она «формировала у детей модернизированную, официальную (общенациональную) картину мира, отличную от традиционной, транслировавшейся от поколения к поколению в семье, и тем самым готовила крестьян к переходу от традиционной к индустриальной культуре» [12: 284].

При этом школа, несмотря на свой бюрократический характер, во многом была вынуждена подстраиваться под особенности обучающихся: из-за языкового барьера (обучение велось на русском языке) были скорректированы образовательные программы и продолжительность обучения, учителями разрабатывались авторские курсы, направленные на всестороннее развитие личности, вводилось обучение ремеслам с целью формирования обучающегося как конкурентоспособного субъекта трудовых отношений на рынке в будущем, активно организовывались праздники, открывались избы-читальни [12: 282—283]. Благодаря такой систематической, комплексной работе, как подчеркивает автор, изначальное негативное отношение к школе и к образованию в целом постепенно сменилось на уважительное. В школе стали видеть плацдарм для улучшения жизни детей [12: 285].

¹ АОИРС было учреждено 14 декабря 1908 г. по инициативе архангельского губернатора Ивана Васильевича Сосновского и вице-губернатора Александра Федоровича Шидловского. Целью создания организации было изучение истории, природных условий, экономики, культуры и быта населения Русского Севера. См. подробнее: [28: 60].

Однако, подводя итоги, исследователь не спешит характеризовать воздействие школы на семью и на край как сугубо положительное. Напротив, модернизационная установка, которую несла в себе школа, противоречила традиционному укладу жизни карельского крестьянина. Отсюда, заключает О. П. Илюха, можно считать, что школа во многом способствовала усилению межпоколенческого разрыва, последствия которого проявились во время революции 1917 г. и последовавших за ней событий [12: 286].

Популярным направлением среди карельских ученых стали гендерные исследования, преимущественно посвященные положению женщины в карельской деревне, которые убедительно подытожила в своем диссертационном сочинении Юлия Валерьевна Литвин, младший научный сотрудник Сектора этнологии ИЯЛИ КарНЦ РАН, в центре внимания которой оказалась повседневная жизнь карельской крестьянки со второй половины XIX (реформы Александра II) до начала XX века (революционные события 1917 г.).

Исследователь, изучив жизнь крестьянки от младенчества до старости, пришла к выводам, что положение женщины в карельской крестьянской семье имело двойственный характер: с одной стороны, оно определялось патриархальными представлениями, с другой — зависело от реальных потребностей семьи и экономической целесообразности. Так, зачастую передача хозяйке дома сугубо мужских трудовых ролей в семье была связана с уходом мужчин на заработки. Вместе с тем, отметила исследователь, карельские женщины были более самостоятельны и независимы, чем женщины из других регионов Российской империи: практически ни одно семейное решение карельский крестьянин не принимал, не обсудив его с супругой. В пореформенный период стала активно формироваться и экономическая независимость крестьянок: развивались женское отходничество и предпринимательская деятельность. При этом, профессии учительницы и акушерки оказались для них малодоступными, что было связано с господствовавшими в обществе представлениями о предназначении женщины. Несмотря на новые веяния, патриархальные устои оставались сильны: женщину по-прежнему воспринимали в первую очередь как жену, мать, хранительницу домашних устоев и лишь потом как субъекта производственно-трудовых отношений [20].

Починка сетей в Аконлахти (Бабыя губа). Инто Инха, 1894 г.

https://vk.com/puwhiine_perti_karjala?z=photo-27058393_295109523%2Falbum-27058393_167427956

Однако на сегодняшний день мы полагаем возможным говорить о гендерной ассиметрии¹ историографии. Ученые, сфокусировав внимание на женском вопросе, забывают о мужской повседневности, что формирует некую однобокость в изучении традиционного общества Карелии.

Комплексным, характеризующим положение традиционной карельской семьи в обществе можно назвать исследование научного руководителя данной выпускной квалификационной магистерской диссертации Ирины Александровны Черняковой, доцента кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, руководителя Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии (ИЛЛМИК) Института истории, политических и социальных наук (ИИПСН) ПетрГУ; доцента российской истории Института географических и исторических исследований в Университете Восточной Финляндии (кампус Йоэнсуу). На примере одной из древнейших деревень Беломорской Карелии — Панозеро — исследователь показала, как под гнетом житейских трудностей, в том числе навязанных недальновидной государственной администрацией, которая активно вмешивалась в сложившийся уклад жизни, не всегда понимая последствия принятых решений, карельские крестьяне лишились возможностей самообеспечения. Например, политика запретов в сфере лесопользования привела не только к изживанию прибыльных крестьянских предприятий (добыча смолы, торговля дровами), но и к полному прекращению традиционного подсечного земледелия, в результате чего карельская крестьянская семья и сельское сообщество в целом оказались в ситуации буквально выживания. При этом подчеркивается, что карелы не просто приспосабливались ко все более сложным условиям, но сохраняли чувство собственного достоинства, жизненную активность и готовность бороться с трудностями. И. А. Чернякова отметила, что важнейшим фактором, который оказал влияние на менталитет и характер карельского крестьянства, было то, что оно было свободным. В регионе никогда не было крепостного права. На протяжении веков карелы почти поголовно имели статус государственных крестьян с правом общинного владения землей. У них не сформировалась рабская психология, как у крестьян в центральных регионах страны. В связи с этим можно говорить о так называемом «оттенке северности»: определенном духе свободы, независимости, ответственности перед самим собой, который был присущ карельскому крестьянину [30].

Еще одна проблема связана с немногочисленностью источников личного происхождения: мемуаров, автобиографий, воспоминаний. Неслучайно профессор Теодор Шанин, президент Московской высшей школы социальных и экономических наук, назвал хрестоматию, посвященную крестьяноведению, «Великий незнакомец» [2]. Крестьяне не оставили после себя, по понятным причинам, многочисленных воспоминаний и мемуаров. Очерки членов АОИРС, безусловно, позволяют представить карельский край накануне катаклизмов, однако не раскрывают психологию крестьянина, его личные мотивы и переживания. Крестьянские воспоминания, которые сегодня обнаруживаются порой в самых неожиданных местах, позволяют по-новому взглянуть на особенности крестьянской жизни, а зачастую содержат информацию, разительно отличающуюся от устоявшихся в исторической науке позиций.

Так, воспоминания выходца из традиционной карельской крестьянской семьи Георгия Никифоровича Акатова, найденные родственниками уже после его смерти на чердаке одного из деревянных домов в г. Кондопога² и введенные в научный оборот краеведом Виктором Анатольевичем Карелиным, учителем истории Кондопожской школы № 1 [5], убедительно контрастируют с привычным представлением об условиях жизни учащихся ремесленных мастерских Санкт-Петербурга. В историографии устоялось мнение о повсеместных нару-

¹ Термин «гендерная ассиметрия» впервые был употреблен О. П. Илюха при характеристике источниковой базы исследования о повседневной жизни сельских учителей и школьников Карелии [13: 14].

² Информация получена от В. А. Карелина.

шениях прав ребенка, которые в итоге приводили к слому личности. «К началу XX в., — заключили ученые, — стало понятно, что дискредитировавшая себя система ремесленного ученичества нуждалась в основательном реформировании» [11: 25].

В воспоминаниях Акатова, конечно, содержатся примеры серьезных наказаний за проступки и тяжелых условиях труда [1: 138, 140], но преобладают сюжеты, связанные с гуманностью системы, человеческим отношением хозяев мастерской, в которой служил Акатов. Например, автор отмечал, что, несмотря на строгую дисциплину и насыщенный рабочий день, и у мальчиков, и у приказчиков было свободное время. После работы приказчики обязаны были быть дома в 8—9 часов вечера, в воскресенье разрешалось возвращаться к 22.00. Мальчикам в воскресенье было позволено гулять до 8 вечера летом и до 5 зимой» [1: 120]. И уж совершенно неожиданным в контексте современных представлений о тяжести и беспроектности жизни в ученичестве предстает та часть воспоминаний, где Акатов свидетельствует, что Горохов — его мастер-работодатель заботился и о духовной составляющей воспитания: «для ребят и приказчиков было куплено много музыкальных инструментов, кто на чем хотел играть, тот на том и учился. Были куплены две гармошки-трехрядки, три гитары, три мандолины, пять балалаек, бубны, словом, можно было составить оркестр. Молодых обучали играть старшие и надо сказать, что играли все, кто на чем. Когда собирались гости, тогда [хозяева] на часок вызывали всех играющих к себе в гостиную и тут оркестр выполнял русские народные песни, ранее хорошо разученные. По окончании концерта приказчикам давали по стакану коньяка, а мальчикам — лимонад и мармелад» [1: 120].

Таким образом, несмотря на внушительный накопленный опыт изучения традиционной крестьянской карельской семьи, крестьянской повседневности, темы эти еще долгое время будут находиться под пристальным вниманием исследователей, что связано с появлением новых методологических теорий, развитием компьютерных технологий и, конечно, в первую очередь выявлением новых источников.

Уникальность изучаемого нами архивного документального фонда заключается в том, что в его текстах отразились вопросы, связанные как с мирной жизнью, так и с военными временами. Репатриантов должны были не только назвать номер отряда, в котором служили, позицию, которую в нём занимали, но указывать все вооруженные выступления, в которых принимали участие. Требовалось перечислить формы оказываемой помощи, а в протоколах допросов можно встретить описание хода боевых действий. Более того, именно вооруженный конфликт был основной причиной, по которой жители Карелии оказались в Финляндии: кто-то, как следует из протоколов, был насильственно уведён финскими войсками, кто-то в срочном порядке покидал собственный дом, оставляя налаженный быт, кто-то, оказавшись вблизи военных действий, вынужден был спасаться, или оказывался на территории другого государства случайно: заблудившись на лесных тропах. Именно поэтому, говоря о повседневности в рассматриваемый период, нельзя обойти стороной повседневные практики в чрезвычайных (военных) ситуациях.

Поведение жителей Карелии во время кризисной триады событий: Первой мировой войны, революции и Гражданской войны находится в центре внимания Елены Юрьевны Дубровской [4; 5: 6; 7], старшего научного сотрудника Сектора истории ИЯЛИ КарНЦ РАН.

В 2016 г. увидела свет её монография «Российская революция 1917 г. и Гражданская война в памяти населения Карелии» [8]. Рассматриваемое исследование, по признанию самого исследователя, связано с проблемами осмысления населением Карелии событий, связанных с общественно-политическими переменами в России в 1917—1920-е гг., трансформациями исторической памяти среди современников [8; 4].

На основе широкого круга источников, особое место среди которых занимают как опубликованные, так и впервые вводимые в научный оборот источники личного происхождения: сборники воспоминаний и хранящиеся в Научном архиве КарНЦ РАН подготовительные материалы к ним, воспоминания жителя Петрозаводска И. М. Никитина о старом городе, воспоминания участников событий, записанные во время экспедиций в Поморье и приграничные районы Олонецкой губернии — Е. Ю. Дубровская анализирует как в коллективной памяти населения края отразились переломные для страны события и как утверждались революционные нововведения [8: 4—10].

В главе «События Февральской революции 1917 года в Карелии глазами современников» автор реконструирует, зачастую с точностью до часа, что происходило в Олонецкой губернии после того, как в край пришли известия о событиях в Петрограде [8: 20]. В то же время, некоторые из выдвигаемых тезисов не лишены противоречивости. В частности, утверждение о том, что «жители Российской Карелии встретили Февральскую революцию 1917 г. с надеждой на скорое прекращение мировой войны, на проведение назревших преобразований в жизни городов, сел и деревень» как будто бы входит в диссонанс с положением о сложном характере царившей в губернии атмосферы, которую нельзя не охарактеризовать как «период всеобщего ликования, всепрощенчества, митинговой стихии» [8: 27].

Е. Ю. Дубровская неоднократно констатирует, что изучение воспоминаний участников и очевидцев революционных событий 1917 г., Первой мировой и Гражданской войн дает возможность проанализировать глубину раскола традиционного карельского общества, исчезновение и трансформацию привычного уклада жизни, ритуалов, традиций [8: 19, 53, 60]. На страницах книги это присутствует в виде убедительного перечисления примеров реакции жителей карельских деревень на происходившие события [8: 28—30, 35], множественных констатаций нововведений, которые несли дополнительные сложности карельской глубинке [8: 47, 64—65]. Достаточно убедительно диалог «старого» и «нового» показан на примере праздников [8: 62—66]. Исследователь доказала, что в едином культурно-временном поле революционно-пролетарские праздники соседствовали с традиционными православными праздниками и обрядами.

В заключении присутствует вывод, с которым сложно не согласиться: войны и революции являются важнейшими социальными маркерами, через которые определяются персональные переживания и опыт участников и очевидцев происходившего [8: 104].

Системе праздничной культуры в Карелии в послереволюционный период посвящена статья доцента ПетрГУ Елены Васильевны Диановой, которая отметила, что, несмотря на политику вытеснения традиционных праздников и насаждение новой пролетарской культуры в карельских селах в 1920-е гг. сохранился обычай празднования религиозных праздников даже под гнетом проводимой антирелигиозной кампании [3]. К сожалению, исследователь не уточнила, что это были за праздники и в каких условиях они праздновались. В то же время Е. В. Дианова вслед за профессором Галиной Павловной Блиновой констатировала, что в результате смешивания «старой» и «новой» культур в праздничном пространстве стали появляться такие «праздничные гибриды» как «комсомольская Пасха» или «комсомольское Рождество». В Карелии, например, в 1923 г. петрозаводские комсомольцы организовали празднование собственного Рождества, начав, как отмечается, «штурм небес, войну против Бога и попов» [3: 127]. Парадокс проводимых комсомольских карнавалов и маскарадов заключался в том, что по своей форме они напоминали традиционные святочные или масленичные гуляния, что не только не способствовало отказу населения от устоявшихся религиозных праздников, но, напротив, всячески поднимало настроение публики [3: 131].

Карелы. С. М. Прокудин-Горский, 1916 г.

Источник: Библиотека Конгресса США

<http://www.loc.gov/pictures/collection/prok/item/prk2000000448/>

В качестве массовки в воспитательных целях к участию в переделанных на советский лад религиозных праздниках активно привлекали детей, что вызывало возмущение со стороны родителей. Данные источников свидетельствуют, что в деревнях по-прежнему продолжали жить, придерживаясь традиционного месяцеслова: в Сорокской школе, например, во время празднования Рождества и Крещения на занятиях могло отсутствовать до 50% обучающихся [1: 129].

Борясь с праздниками, которые не соответствовали советской системе ценностей, власти шли на различные хитрости. Е. В. Дианова приводит пример, связанный с Международным днем кооперации, который стремились приурочить к какому-либо народному празднику. Например, в Шуньге в 1926 г. празднование было назначено на 6—7 июля — даты, когда по народному календарю отмечались день Аграфены Купальницы и День Ивана Купалы, участие в праздновании которых принимало все население поселка [3: 134].

Подводя итоги, исследователь приходит к выводу о сохранении в 1920-е гг. среди населения Карелии обычаев отмечать крупные религиозные праздники и придерживаться языческих традиций [3: 136]. Нам же видится, что сохранение традиционных для общества праздников, несмотря на внешние раздражающие факторы, можно охарактеризовать как один из

критериев сохранения самоидентификации общества в переломный послереволюционный период. Причем, нужно отметить: изначальное простое введение «чужих» праздников впоследствии трансформировалось и сменилось их навязыванием, сцеплением с традиционными, «своими» праздниками для карел, что еще раз доказывает силу существующих традиций и их невысокую восприимчивость к происходившим изменениям.

Таким образом, на сегодняшний день не существует комплексного научного исследования, посвященного населению Карелии в конце XIX — начале XX века в контексте разрушения традиционного уклада жизни карелов. Исследователи разбирают отдельные, узкие сюжеты, зачастую не рассматривая их в ретроспективе, что, как представляется, приводит к упрощенному пониманию характера анализируемых событий.

Кризисные явления, ставшие причиной массового исхода жителей карельских деревень в Финляндию, нашли отражение в карельской художественной литературе. Не случайно Е. Ю. Дубровская назвала карельских писателей Ортъе Степанова, Николая Якколу, Яакко Ругоева, Антти Тимонена, Пекку Пертту «первыми исследователями перемен, которые произошли в начале XX века в традиционном укладе карельской деревни» [6: 155]. Карельские писатели с опорой на документальные, автобиографические и полученные от родственников, односельчан и знакомых сведения в своих произведениях показали, как сложно и противоречиво сталкивались и уживались старое и новое, традиции и нововведения. Выросшие в карельских деревнях, они хорошо разбирались в особенностях повседневной жизни карелов, поэтому могли в полной мере проследить и оценить, какие черты прежнего патриархального уклада смогли выстоять под гнетом внешней противодействующей среды, а какие ушли навсегда. Безусловно, нужно отметить во многом субъективный характер оценок и выводов, сформулированных авторами, однако в данном случае полное погружение в изучаемую среду можно считать положительной, даже уникальной особенностью, способствующей всестороннему и целостному изучению рассматриваемых событий.

С этой точки зрения считаем возможным характеризовать произведения карельских писателей как комплексные исследования по рассматриваемой теме, которые могут как дополнять существующие научные работы, так и служить основой для изучения.

Например, Е. Ю. Дубровская анализирует ценностные ориентации жителей карельской деревни на основе романа Н. Якколы «Водораздел» [6: 154—159].

Роман посвящен жизни пограничной деревушки Пирттиярви, прообразом которой стала родина писателя — деревня Кивиярви, расположенная в Беломорской Карелии в четырех верстах от границы. Название романа — метафора. Роман построен на антитезе: православие противопоставляется старообрядчеству, появившиеся после Первой мировой войны большевики — деревенским жителям, новые порядки — принятым традициям. Под водоразделом следует понимать не столько разделение речных систем на бассейны, сколько своеобразный рубеж, поделивший судьбы жителей одной деревни на «до» и «после», «своих» и «чужих», «белых» и «красных» [6: 156].

Действие романа начинается с периода Первой мировой войны, когда в карельскую глубинку вернулись фронтовики, которые становятся уничтожителями привычного уклада жизни, выступают за нововведения. Затем водоворот событий приводит героев романа в Карельский отряд. Увиденные во время военных действий последствия насилия, которое чинили финские и английские наемники, в конечном счете заставили жителей Карелии отказаться от помощи со стороны и перейти на сторону Советской власти, в которой автор увидел победу народа в борьбе за национальное достоинство [6: 158].

Ортьё Степанов создал серию романов под общим названием «Родичи». Эпопея охватывает события, происходившие на севере Карелии в деревне Хаапалаhti в 1920—1950 гг. Для нас особенно интересны первые части романа — «Будни Хаапалаhti» и «Яакко Саку — человек из народа» — посвященные периоду 1920—1930 гг. Действие романа начинается с первого послевоенного года — 1923-го, когда в карельскую деревню, которая пока продолжала жить по старым общепринятым порядкам, постепенно внедрялись порядки социалистические. Слом традиционной крестьянской жизни показан на примере карельской семьи Хирсола, глава которой — старик Онтто не может привыкнуть к введению новых правил, укоренению социалистических устоев, а его внуки и правнуки постепенно привыкли к новой культурной системе координат, встроились в нее и научились жить по-новому. На этом автором строится кризис семьи в частности и общества в целом, показано, насколько непримиримы устоявшиеся веками традиции и сиюминутные нововведения, противоречащие традиционному укладу жизни крестьянина [26].

Илья Лесонен из деревни Суднозеро. Инто Инха, 1894 г.
<https://berdasheva.livejournal.com/7351.html>

Тоарие из Ухты. Инто Инха, 1894 г.
<https://berdasheva.livejournal.com/7351.html>

Таким образом, войны, революции, восстания служат не только ключевой точкой политической, но и культурной катастрофы, когда устоявшиеся обычаи и традиции в скором порядке заменяются новыми, появившимися как реакция на внешнее раздражение, а в некоторых случаях навязанными повседневными практиками, что обуславливает развитие кризисных явлений в обществе из-за невозможности самоидентификации.

Подводя итоги, можно констатировать, что при характеристике общества в переломные моменты важно не фиксировать особенности, которые появились здесь и сейчас, а делать это с применением ретроспективного анализа, выделяя черты, которые либо потеряли свою актуальность, либо под влиянием внешних факторов преобразовались в другие. Подобный подход, как видится, не только позволит увидеть ситуацию в целом, но и избежать нежелательных ошибок при трактовке.

На сегодняшний день в карельской историографии нет комплексных исследований, которые характеризовали бы общество накануне, во время и после интересующих нас катаклиз-

мов. Исследователи фокусируют внимание на отдельных сюжетах, что во многом объяснимо: для комплексной оценки общества в целом необходимо учитывать невероятное количество факторов, событий и явлений. Представляется, что наиболее тщательный анализ можно проводить на основе истории локального крестьянского общества в рамках, например, одной деревни или села, как было сделано с селом Панозеро.

С этой точки зрения, еще раз подчеркнем уникальность изучаемого нами источника. В личных делах карбеженцев, содержащих информацию об индивидуальных траекториях судеб карельских крестьян, удивительным образом переплелись факты, свидетельствующие как о мирном довоенном «традиционном» времени, так и о событиях в период и после социальных потрясений. Анализируя анкеты, опросные листы и протоколы можно проследить, как менялся конкретный человек и что происходило с локальным крестьянским сообществом в чрезвычайных условиях.

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Акатов Г. Н. Воспоминания // Семейный архив Акатовых. Кондопога. Республика Карелия. 205 с.

Литература

2. Великий незнакомец : крестьяне и фермеры в современном мире : хрестоматия / сост. Т. Шанин ; [рус. ред. А. В. Гордона ; предисл. к рус. изд. В. П. Данилова ; пер. с англ.: С. А. Белов и др.]. — Москва : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. — 431 с.
3. Дианова Е. В. Религиозные праздники в Карелии в 1920-е гг. / Е. В. Дианова // Православие в Карелии. — Петрозаводск, 2008. — С. 127—136.
4. Дубровская Е. Ю. Карелия и Финляндия: Гражданская война, интервенция и военная повседневность в исторической памяти населения приграничья / Е. Ю. Дубровская // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. — Петрозаводск, 2009. Вып. 3. — С. 253—262.
5. Дубровская Е. Ю. Карельско-финское приграничье накануне и в период Первой мировой войны и российской революции 1917 г. в воспоминаниях современников / Дубровская Елена Юрьевна Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России : материалы V Всероссийской конференции финно-угроведов, Петрозаводск, 2528 июня 2014 г. — Петрозаводск, 2014. — С. 261—263.
6. Дубровская Е. Ю. Традиционный уклад жизни карел и общественные перемены начала XX века : (по материалам рассказов о Гражданской войне в Русской Карелии) / Е. Ю. Дубровская // Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиция и закон в жизни карел : материалы международного семинара историков, посвященного 65-летию ПетрГУ. — Петрозаводск, 2005. — С. 154—159.
7. Дубровская Е. Ю. Повседневность в чрезвычайных обстоятельствах: революция 1917 года, Гражданская война и иностранная интервенция в общей памяти жителей Карелии / Е. Ю. Дубровская // Труды Кольского научного центра РАН. Серия «Гуманитарные исследования». Вып. 6. — Апатиты: КНЦ РАН, 2014. — С. 114—121.
8. Дубровская Е. Ю. Российская революция 1917 года и Гражданская война в памяти населения Карелии / Е. Ю. Дубровская ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Петрозаводский государственный университет, Карельский научный центр РАН, Институт языка, литературы и истории. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2016. — 110 с.
9. Ермолаева О. Е. Традиционное общество полиэтничного приграничья в исторической динамике: методологические поиски и проблемы на примере одного проекта / О. Е. Ермолаева // Рукопись. — Петрозаводск, 2016. — 25 с.

10. Зеленин Д. К. О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-Финской АССР / Д. К. Зеленин // Советская этнография. — 1941. — № 5. — С. 110 — 125.
11. Илюха О. Котя, котя, продай дитя... / Ольга Илюха // Родина. — 2004. — № 11. — С. 79—82.
12. Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX — начале XX в. / О. П. Илюха ; Карел. науч. центр Рос. Акад. наук, Ин-т яз., лит. и истории. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2007. — 303 с.
13. Илюха О. П. Повседневная жизнь сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX — начале XX века : очерки, документы, материалы / Ольга Илюха ; КНЦ РАН, Ин-т языка, литературы и истории, Нац. архив Республики Карелия. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2010. — 142 с.
14. Илюха О. П. Дети в карельской семье конца XIX — первой трети XX века: информационный потенциал историко-этнографических источников / О. П. Илюха // Человек в истории: героическое и обыденное : материалы междунар. научно-практ. конф., посвященной Году рос. истории (Петрозаводск, 18—20 сентября 2012 г.). — Петрозаводск, 2012. — С. 206— 212.
15. Илюха О. П. «Лицом к семье»: работа сельской школы в Карелии по распространению прикладных знаний (конец XIX — начало XX в.) / О. П. Илюха // Карелы российско-финского пограничья XIX—XX вв. : сборник статей. — Петрозаводск, 2013. — С. 103 — 120.
16. Илюха О. П. Отцы и деды: роль мужчины в социализации ребенка в традиционной карельской семье / О. П. Илюха // Карельская семья во второй половине XIX — начале XXI в.: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций : сборник статей и материалов. — Петрозаводск, 2013. — С. 160 — 179.
17. Карелин В. А. Георгий Никифорович Акатов — еще одно имя в краеведческой истории края / В. А. Карелин // Краеведческие чтения: материалы IX научной конференции (12—13 февраля 2015 г.). — Петрозаводск, 2015—С. 205—210.
18. Кораблев Н. А. Имущественная дифференциация и социальное расслоение в Карельском Поморье во второй половине XIX в. / Н. А. Кораблев // Вопросы истории Европейского Севера : межвузовский сборник. — Петрозаводск, 1979. — С. 140 — 143.
19. Кораблев Н. А. Крестьянское предпринимательство в Карелии во второй половине XIX в. / Н. А. Кораблев // Новое в изучении истории Карелии. — Петрозаводск, 1994. — С. 56—67.
20. Литвин Ю. В. Повседневная жизнь карельской крестьянки во второй половине XIX — начале XX века: социокультурный статус и гендерные роли: автореф. дисс... канд. истор. наук: 07.00.02 / Литвин Юлия Валерьевна. — Санкт-Петербург. 2014. — 24 с.
21. Маркова М. А. Некоторые наблюдения за полнотой фиксации младенческой смертности в метрических книгах Олонецкой губернии // М. А. Маркова / Компьютер и историческая демография. Сб. науч. трудов. — Барнаул, 2000. — С. 165—172;
22. Нефедова Г. А. Важнейшие промыслы карельских крестьян в пореформенный период (1862 — 1905 гг.) / Г. А. Нефедова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Исторические и филологические науки /Петрозаводский государственный университет. — Петрозаводск, 1957. — 1956, Т. 6, Вып. 1. — С. 74—87.
23. Пулькин М. В. За гранью приличий: девиантность в Олонецкой губернии (XVIII — начало XX в.) / М. В. Пулькин // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. — Петрозаводск, 2008. — Вып. 1. —С. 194—204.
24. Руотси Н. Личность карела / Н. Руотси // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. — 1913. — № 3. — С. 103—106.
25. Синова И. В. Ремесленное ученичество в Санкт-Петербурге во второй половине XIX—начале XX века: дискурс повседневной жизни / И. В. Синова // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Серия: Гуманитарные исследования, Вып. 4. — Петрозаводск, 2013. — № 4. —С. 68—73.
26. Степанов О. Родичи : Роман / Ортъе Степанов ; Пер. с фин. Т. Викстрем, В. Машин. — М. : Современник, 1986. — 448 с.

27. Такала, И. Р. Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России / И. Р. Такала. — Санкт-Петербург: Журнал «Нева», 2002. — 335 с.
28. Хрушская Л. Н. Архангельское общество изучения Русского Севера / Л. Н. Хрушская // Поморская энциклопедия. Т.1: История Архангельского Севера. Архангельск, 2001.
29. Хямюнен Т. Жениться — беда, не жениться — другая... Брачные контакты восточных финнов и олонцев карел в 1734—1918 годах / Т. Хямюнен // Население Карелии и карельская семья: Joensuun yliopistossa, 2003. — С. 116—125.
30. Чернякова И. А. Архивные дела карельских беженцев как исторический источник / И. А. Чернякова, П. С. Воронина // Исторические исследования в образовательном пространстве Тверского региона: Сб. статей. Тверь: Твер. гос. ун-т. — 2017. — С. 38—47.
31. Чернякова И. А. Панозеро и его обитатели: пять веков карельской истории / И. А. Чернякова // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 20—82.
32. Шикалов Ю. Браки «законные» и «незаконные». Формы заключения брачных союзов в Беломорской Карелии во второй половине XIX — начале XX вв. / Ю. Шикалов // Население Карелии и карельская семья : Joensuun yliopistossa pidetyn seminaarin esitelmät. — Joensuu, 2003. — С. 150—157.
33. Шикалов Ю. Г. «Незаконнорожденные дети» и старообрядчество в Беломорской Карелии в конце XIX — начале XX в. / Ю. Шикалов // Карелы российско-финского пограничья XIX-XX вв. : сборник статей. — Петрозаводск, 2013. — С. 92—102.
34. Шикалов Ю. Г. Здравоохранение в Кемском уезде в конце XIX — начале XX века / Ю. Шикалов // Народ, разделенный границей: карелы в истории России и Финляндии в 1809—2009 гг.: эволюция национального самосознания, религии и языка. — Joensuu ; Петрозаводск, 2011. — С. 97— 115.
35. Шикалов Ю. Старообрядчество и браки в Архангельской Карелии XIX века // Ю. Шикалов / Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиция и закон в жизни карел. — Петрозаводск, 2005. — С. 94.

Polina Voronina

Petrozavodsk State University

Institute of History, Political and Social Sciences

Investigative Laboratory for Local and Microhistory of Karelia (ILLMiK)

Researcher-volunteer

Master in History (46.04.10)

Traditional society in the northern karelian village before the social cataclysm: aspect of historiography

Abstract:

The article presents the results of searching the studies in which the fates of traditional society in Karelia has been affected in one way or another since the second half of the 19th century through the 1920s. The article can be regarded as extension of the study of the fates of Karelian refugees — residents of traditional Karelian villages — a group of East Karelian separatists who participated in the so-called «East Karelian Uprising, in the period from the winter of 1921 to the spring of 1922. After this attempt to obtain independence from the Russian Soviet Federative Socialist Republic, they fled to Finland, but later they were allowed to return home. From this point of view, for the author of the research the history of the peasantry, its daily life, mentality, the history of education represents a large interest. Summing up, an author comes to the conclusion that to date there is not a single generalized scientific research, dedicated to the traditional society of Karelia in the late XIX — early XX century.

Key words: Karelian refugees, traditional society, peasantry, Northern Karelia, Finland, the beginning of XX century.